

В. И. Пефтиев

Исторические судьбы России в публицистике современников Крымской войны (Ф. И. Тютчев, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин)

Крымская война 1854–1855 гг. обозначила крутой поворот в исторических судьбах России на многие десятилетия и отбрасывает «длинные тени» на XXI в. Опираясь на базовые понятия экзистенциализма и культурологии, в статье дан обзор взглядов ведущих личностей второй половины XIX столетия (Ф. И. Тютчев, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин) на фундаментальные вопросы внешней и внутренней политики России, а именно: антироссийская коалиция в Европе; внутренняя оппозиция; роль цензуры; общественное мнение и задачи публицистики; самоидентификация; взаимоотношения верховной власти (самодержавия) и интеллигенции. Показано самоопределение каждого мыслителя в сложной и драматической борьбе идей и позиций до и после крымской катастрофы. Сделан вывод о значимом влиянии властителей дум на ход исторического процесса. Вовлечены в научный оборот материалы новейших изысканий по творческому наследию публицистов, включая ранее неопубликованные тексты, письма, воспоминания современников, то есть источники личного происхождения.

Ключевые слова: Крымская война 1854–1855 гг., экзистенциализм, политическая публицистика, общественное мнение, верховная власть и народ, Ф. И. Тютчев, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин.

V. I. Peftiev

Historical Destinies of Russia in Journalism of Contemporaries of the Crimean War (F. I. Tyutchev, M. N. Katkov, B. N. Chicherin)

The Crimean war of 1854–1855 designated a serious turn in historical destinies of Russia for many decades and left «long shadows» in the XXI century. Relying on basic concepts of existentialism and culturology, in the article the review of leading persons' views of the second half of the XIX century (F. I. Tyutchev, M. N. Katkov, B. N. Chicherin) on fundamental questions of foreign and domestic policy of Russia is presented, namely: the anti-Russian coalition in Europe; internal opposition; a censorship role; public opinion and problems of journalism; self-identification; relationship of the Supreme power (autocracy) and intellectuals. Self-determination of each thinker is shown in a difficult and drama struggle of ideas and positions before the Crimean accident. The conclusion is drawn on significant influence of masters of thoughts on the course of the historical process. Materials of the latest researches on the creative heritage of the publicists, including earlier unpublished texts, letters, memoirs of contemporaries, i.e. sources of the personal origin are involved into the scientific turn.

Keywords: the Crimean war of 1854–1855, existentialism, political journalism, public opinion, Supreme power and people, F. I. Tyutchev, M. N. Katkov, B. N. Chicherin.

Истинный защитник России – история.
Ф. И. Тютчев

Все на свете имеют своих врагов.
М. Н. Катков

Свобода является неотъемлемой принадлежностью всякого человека.
Б. Н. Чичерин

В названии статьи объединены три сюжета: Крымская война 1854–1855 гг.; экзистенциальные развилки в личной судьбе и истории России; неординарные личности XIX в. Подобная комбинация неимоверно усложняет исследования, но, с другой стороны, благотворно влияет на распространение интегративных знаний в культурологии.

Крымская война предстает как негативный общероссийский фон (контекст) после блиста-

тельной победы над Наполеоном. Были и «пораженцы», считавшие Крымскую войну благом для России. Крымская война воспринималась большинством подданных России как глубокая и болезненная «травма». Отсюда и некая защитная реакция через умолчание (незримая тень) в статьях М. Н. Каткова. Крымская война формировала мощный побудительный мотив для обновления России. Сказывалась и возрастная разница: молодость (Б. Н. Чичерин), возмужание (М. Н. Катков) и зрелость (Ф. И. Тютчев).

Крымская война является событием, раскрывающим аналитический потенциал экзистенциализма (Ж.-П. Сартр) и синергетики (ветви системной парадигмы естественно-научного происхождения). Их сближение, а то и сращивание происходит в пространстве феномена и понятия – экзистенциальные развилки (бифуркации) в

судьбе человека и нации. Любопытно и то, что слово «бифуркация» в смысле разделения маршрутов применялось в России и Франции применительно к переходу в лицеях и гимназиях от изучения древних языков к живым европейским. Об этом писал М. Н. Катков [3, с. 159]. Иными словами, термин «бифуркация» получил расширительное толкование, новое значение в XX в.

Изучение бифуркаций до и после Крымской войны невозможно без вовлечения в научный оборот личных источников информации, содержащихся в воспоминаниях, письмах, периодике и составляющих органическую часть культурного наследия России. Они восполняют, дополняют и спорят с контентом книг и статей научного и публицистического жанра. Сказанное напрямую относится к наследию наших действующих лиц.

Ф. И. Тютчев, М. Н. Катков и Б. Н. Чичерин – это известные представители разных поколений; сказанное и написанное ими включает не только ошибочное и непреложное (в замысловатых сочетаниях для каждого. – В. П.), но и невостребованное и даже утопическое. Наша задача заключается в поиске и обнаружении крупиц невостребованного, но актуального в XXI в.

Поэты, публицисты, ученые той эпохи имели влияние на общественное мнение и верховную власть, каждый по-своему – в соответствии с талантом и удачей. Этот импакт (глокализация) тогда и сегодня существенно различаются. И в этом ключе компаративистики возможны какие-то находки для культурологии, социальной психологии, эскизов и этюдов к портретам мыслителей «долгого» XIX в. (Э. Хобсбаум).

Логика выхода из национальной «травмы», как уверяют социальные психологи и культурологи, должна быть последовательной (шок – переживания – привычка – реабилитация – новая жизнь) и регенеративной (формировать социальные сети, взаимоотношения, ритуалы) [7]. С этой точки зрения нас интересуют фаза реабилитации и модели обновленного общества. Подходы Ф. И. Тютчева, М. Н. Каткова и Б. Н. Чичерина даже частично не совпадали, а то и противостояли друг другу.

Мир Федора Ивановича Тютчева (1803–1873) полон загадок и странностей. Гениальный поэт, не придававший особого значения своим шедеврам¹. Незадачливый дипломат в молодости, но тайный советник вершителей внешней политики России. Его устные импровизации (остроты, каламбуры и эпиграммы) практически не дошли до нас. Предсказатель грядущих бедствий Европы, пророче-

ства которого ни разу не были востребованы современниками... Автор историсофской публицистики, политических стихов на разных языках. Этот пласт наследия Ф. И. Тютчева еще не переведен должным образом и не прокомментирован профессионалами. Опускаем его выходки и несурьезности в отношениях с женами, романтические знакомства вне семьи. И, тем не менее, притяжение этой личности не знало преград [5].

Размеренная дипломатическая служба за границей (Мюнхен и Турин) с 1822 по 1844 г. предоставляла свободное время для ежедневного чтения европейских газет, встреч и бесед со знаменитостями, размышлений о судьбах России [1, 14]. Там сформировался у Тютчева дар всеобъемлющего взгляда на вещи при одновременном чувствовании всего своеобразного (воспоминания К. А. фон Энзе, 1842 г.). Близость по взглядам и общению со славянофилами (И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, М. П. Погодин) выработала у Ф. И. Тютчева решительное неприятие выпадов против России в зарубежной прессе после июльской революции 1830 г. под девизом (лозунгом) борьбы против деспотии, варварства в быту и культуре. Устранялись от опровержения инсинуаций и официозные, и либеральные органы печати. А закулисный проект противодействия клевете и полуправде де Кюстина в двух томах «Россия в 1939 году» по ряду причин не получил реального воплощения.

В письме доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты», книга господина де Кюстина названа еще одним свидетельством «умственного бесстыдства и духовного разложения» [10, с. 55]. И здесь же высказана мысль, многократно цитируемая российскими авторами: «Истинный защитник России – История, в течение трех столетий разрешавшая в ее пользу все тяжбы, в которые русский народ раз за разом ввергал все это свои таинственные судьбы» [10, с. 55]. Этим письмом, как считают исследователи, Ф. И. Тютчев намеревался консолидировать европейских публицистов с симпатиями к России [10, с. 487].

В публицистике Ф. И. Тютчева заявлена и другая тема – тема противостояния внутри России двух сил: государства и правительственных кабинетов и общественного мнения (властитель эпохи) [10, с. 57]. К ней примыкает и проблема цензуры, ее статус в обществе и полномочия к прессе (ноябрь 1857 г.). Власть не знает, что делать с враждебным общественным мнением. Подрывают мощь России нигилисты среди ин-

теллигенции, лишённые исторических корней, чувства реальности и находящиеся между утопией и революцией. К ним Ф. И. Тютчев применял такие слова и образы, как «книжники», «идеологи». Его коробило поведение цензуры в «мрачное семилетие» (1848–1855 гг.) и в последующие годы. Ф. И. Тютчеву хотелось, чтобы власти служили и активно участвовали в общественной жизни «литературы с благородными помыслами и одухотворяющим словом» [10, с. 675]. И вместе с тем Ф. И. Тютчев передавал издателю «Московских ведомостей» просьбу канцлера Горчакова: не слишком дразнить в своих передовицах Наполеона III [10, с. 322]. Из песни слов не выбросишь...

Крымская катастрофа. Тютчев обладал уникальной способностью к предвидению. «...бывают мгновения, когда я задыхаюсь от своего бессильного ясновидения... Более пятнадцати лет я постоянно предчувствовал эту страшную катастрофу, – к ней неизбежно должны были привести вся эта глупость и все это недомыслие» [10, с. 309]. В частной переписке Ф. И. Тютчев не скрывал, что именно глупцы и изменники руководят внешней политикой России. Поэт не щадил и Николая I: «Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых *выгодных* условиях, ничем не воспользовался и все упустил, умудрившись завязать борьбу при самых *невозможных* обстоятельствах» (подчеркнуто нами. – В. П.) [10, с. 310]. Изыскания историков (В. Н. Виноградов, Е. В. Тарле, А. Тэйлор) подтвердили размышления Ф. И. Тютчева о причинах и виновниках Крымской войны. Увы, до 1854 г. Россия пренебрегала своими национальными интересами ради всеобщих европейских дел. На Тютчева Севастопольская катастрофа произвела «подавляющее и ошеломляющее впечатление» (что явствует из письма к жене от 9 сентября 1855 г.). Но прочему-то комментаторы пропускают предыдущие слова. Он узнал эту страшную весть от брата (а не из печати): «Я 400 верст ехал вдоль телеграфной линии, но она ничего мне о том не поведала». И далее: поэт пытался в течение восьми дней поверхностными впечатлениями если не изгладить, то, по крайней мере, ослабить шок от сдачи Севастополя. Тютчев не скрывает, что находит свою реакцию поистине удивительной и весьма унижительной [9, с. 235]. Уникальный материал для изучения пси-

хологической травмы и ее влияния на поведение человека.

В публицистике Тютчева находим и обращение к современникам: «Я говорю с глубоким убеждением: основное и самое трудное для нас – обрести веру в самих себя, осмелиться признать перед самими собой огромное значение наших судеб и целиком воспринять ее» [10, с. 80]. Истина, непреложная и для нас – поколения начала XXI в.

Следующее слово предоставим М. Н. Каткову. В истории советской пропаганды он имел «черную метку» одиозного служаки (поборника) самодержавия. Научное сообщество (прежде всего гуманитарии) оспаривали – как могли в условиях цензуры – эту категоричность. О нем уважительно писали и пишут Л. П. Громова, Л. Ю. Гусман, Б. П. Кузьмин, С. А. Митрохина, С. С. Секиринский, В. А. Твардовская, В. Г. Чернуха и др. Задаем и себе вопрос: кто Вы, г-н Катков?

Михаил Никифорович Катков (1818–1887). В 30-е гг. XIX в. примыкал к кружку Н. В. Станкевича и общался с В. Г. Белинским². Профессор философии Московского университета. Англоман, поклонник представительных учреждений и местного самоуправления в Англии. В 50-е гг. западник и умеренный либерал. Редактор литературного отдела газеты «Московские ведомости» (1851–1855 гг.), основатель журнала «Русский вестник» (РВ). Сторонник жесткого усмирения Польши (до и особенно после восстания 1863–1864 гг.). Более четверти века писал передовицы для газеты «Московские ведомости» (МВ). Неуклонный защитник монархии (никаких конституций!), но незадолго до смерти (1886) выступал за союз России с республиканской Францией.

Эти зигзаги личной и общественной судьбы М. Н. Каткова затрудняют оценку его вклада в историю России. Исследователи спорят: охранитель или разрушитель, консерватор или реакционер? Наследие М. Н. Каткова не поддается какой-то одной, категоричной, без нюансов идентификации, оценке. Об этом предупреждал С. С. Секиринский – составитель, автор вступительной статьи к избранным трудам М. Н. Каткова (М.: РОССПЭН, 2010): «Он жил злобой дня и неоднократно менялся... Катков не только развивал мысли, но еще и распалял страсти. Рассуждая и обличая одновременно, он формировал фобии» [4, с. 52].

Современники строже относились к личности и деяниям М. Н. Каткова, нежели академические исследователи сегодня. Отмечалось запоздалое вхождение в политическую публицистику (после сорокалетия). Существовала реальная оппозиция Каткову в печати и образовании; его обличали бывшие соратники. Осуждалась его авторитарная манера вести дела и поступки весьма сомнительного свойства. Порицалось отсутствие четких позиций по текущей тематике; он постоянно себе противоречил, восхвалял то, что отрицал вчера. Об этом с подробностями и деталями писал, например, Р. С. Сементковский [8]. Современники весьма скромно оценивали его достижения в литературной критике. Подтверждаю это суждение после прочтения статей М. Н. Каткова о романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». Высказывания публициста поверхностны и политизированны; полемика вращается вокруг социально-психологического и политического феномена той эпохи – нигилизма: нигилизм, мол, явление «убегающее», «мимолетная фаза». Здесь М. Н. Катков допустил просчет в прогнозе эволюции (трансформации) данного течения в поведении и мироощущении молодыми. Ведь с конца 70-х гг. XIX в. последователи нигилизма осуществляли террор против представителей власти и «изменников» в столицах и провинции. М. Н. Катков не состоялся как ученый и профессор философии в Московском университете, хотя в совершенстве владел немецким языком (разговорным и письменным), стажировался в Германии, встречался в домашней обстановке с Шеллингом [8, с. 16].

Талант М. Н. Каткова проявился энергично и с блеском на ином поприще – в политической публицистике: он выступает основателем и редактором ежедневной массовой и популярной газеты «Московские ведомости». Сборники его передовиц регулярно издавались и составили 25 томов. В разговорах, письмах и публичных прениях ссылались на его авторитет – очень высокий в провинции. Он представлял собой грозную конкурентную силу для редакторов и авторов петербургских журналов, периодики. Пик его славы как первого российского патриота приходится на 60-е гг. XIX в. В 70-е гг. уже писали о колебаниях его взглядов на внешнюю политику России, осуждали увлечение Бисмарком, злорадствовали в связи с его столкновениями с министрами финансов и иностранных дел. В 80-е гг. Катков (прямо и окольно) стал мишенью фельетонов А. П. Чехова; его последователи иронично изображались в романах и повестях. Увы, слова пуб-

лициста изменчивы и скоротечны (максимум на одно поколение). Да и в публицистике редко кто выдерживает испытание временем. И лишь отдельные идеи и публикации достойны включения в избранные труды. До М. Н. Каткова печальная участь забвения ожидала Сен-Бева (1804–1869), в прошлом даровитого поэта и прозаика из Франции [15].

Чем же интересен и актуален М. Н. Катков для России XXI в.? Автор статьи выдвигает две группы аргументов, мотивов и обстоятельств.

Первая – секреты популярности в общественном мнении, так сказать, технологии публицистики М. Н. Каткова, в какой-то степени «новатора». Назовем некоторые из них.

После публикации статьи «Что делать с Польшей?» (1862) М. Н. Катков получил аудиенции у императора и членов его семьи. И в дальнейшем были налажены конфиденциальные контакты с А. М. Горчаковым (МИД), П. А. Валуевым (МВД) и другими сановниками. Близость ко двору (сначала скрытая, а затем и афишируемая) открывала доступ к служебной информации, что давало возможность опережать конкурентов в СМИ по освещению текущих событий, выставляя себя в глазах общественного мнения ясновидцем и инициатором конкретных решений властных структур.

М. Н. Катков обыгрывал на все лады чувствительную тему – патриотизм, давал решительный отпор клеветникам России, критиковал внутреннюю оппозицию, называя ее нашим «варварством», «иностранный» интеллигенцией: «истинное варварство ходит у нас не в сером сермяке, а больше во фраке и даже в белых перчатках» [4, с. 39]. В патриотизме а ля Катков случались – и не единожды – перекосы; он не гнушался возбуждать ксенофобию к полякам и евреям. И все же автор разделяет вместе с публицистом XIX в. удовлетворение от того, что Россия, ослабленная после Крымской войны 1854–1855 гг., выдержала двойственное давление Европы (дипломатии и печати) и к 1864 г. «Европа оставила нас в покое, война нам не угрожает; иностранные кабинеты нас не муштруют» [3, с. 176]. «Странные сближения» (А. С. Пушкин) двух веков (XIX и XXI). Не правда ли?

Палитра публицистики такова, что имела резонанс и в верхах и в низах. Каждый находил свое в его высказываниях по любому поводу. Жанр и стиль передовиц менялся от темы к теме, от года к году. Исследовательская целина для текстологов, журналистов, литераторов. Нам им-

понирует то, что Катков не забыл свой литературный опыт 40–50-х гг. и для убеждения читателей заимствовал образы из классики (Хлестаков, Базаров, Собакевич и др.).

Вторая ипостась М. Н. Каткова – мыслитель, ставящий кардинальные вопросы государственного устройства России. Вот самые злободневные в извлечениях из статей и высказываний.

«Миновали трудные дни Крымской войны... Началась эпоха преобразований. Крепостная Россия отошла в вечность. Возник великий вопрос, чем будет и должна быть Россия обновленная. Задача громадная, одушевление светлое и всеобщее, но силы для решения ее слабы и не подготовлены...» [6, с. 189].

Кто и как выражает национальные интересы? До Крымской войны монархия в лице императора определяла все и вся. В эпоху смуты появились партии, периодические издания с несоответствующими, а то и полярными платформами. М. Н. Катков категорически против партий. Дилемма не разрешена и в XXI в.

М. Н. Катков обеспокоен общественной и личной апатией: «У нас нет личной предприимчивости, нет частной инициативы, нет самостоятельно действующих общественных сил; все у нас делается ... правительственной силой; вот что представляется каждому при первом взгляде на нашу жизнь; вот что ставят нам в упрек свои и чужие [3, с. 177].

Не отнять у М. Н. Каткова и заслуг в многолетней активной защите преподавания древних языков. В одной из статей 1864 г. он поддержал французского министра образования г-на Дюрои, который заявил: «Без греческого языка и с самыми жалкими остатками языка латинского Лицей – это школа без имени и чести» [3, с. 592].

Повествование о жизни и деятельности Михаила Никифоровича Каткова завершается. Его наследие (полное и даже избранное) многолико, неоднозначно, с разной степенью актуальности для XXI в. Читать и перечитывать наилучшие страницы его передовиц полезно каждому. Бесплезно и, разумеется, вредно исключать Каткова из истории отечественной мысли. М. Н. Катков – нечастый пример соединения в одном лице публициста и государственного деятеля.

Закрывает исследовательский трехчлен Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) – юрист, историк, философ, основоположник «государственной школы» в российской историографии, представитель либерального течения в политике [13, с. 5–52].

На фоне Крымской катастрофы и осмысления ее последствий для России произошел разрыв отношений двух западников – Чичерина и Каткова³. Амбициозный Чичерин осмелился критиковать взгляды мэтра французской политологии А. де Токвиля, изложенные им в книге «L'Ancien régime et la Révolution» [12]. Он намеревался опубликовать свою статью в «Русском вестнике» (РВ). Редактор Катков ответил отказом и на 12 страницах изложил свои возражения принципиального характера. Чичерин без всяких затруднений опубликовал свою статью в «Отечественных записках» (1857). Основной узел расхождений заключался не только и не столько в несопадении оценок эпох в истории Франции (от Средних веков до режима Наполеона III), сколько в политической ориентации России – на Францию или Англию. Каткова недоумевал, ссылаясь на фразу покойного Грановского о том, «изучение русской истории портит лучшие умы», почему Чичерин склоняется к защите диктатуры. Чичерин возражал и считал идеалом гражданского строя не Англию, сохранившую многочисленные остатки средневековых привилегий, а Францию, провозгласившую и утвердившую у себя начала гражданского равенства [11, с. 277].

В последующие десятилетия (с 1861 г. и до начала XX столетия) научные труды и публицистика Б. Н. Чичерина (более 19 текстов) нацелены на обоснование концепции «либеральные меры и сильная власть» с политическим лозунгом постепенного введения конституционной монархии. Для продвижения своих идей и законопроектов Б. Н. Чичерин обращался к ближайшему окружению трех императоров. Попытки либерализации правительственного курса продолжались многократно. Он исходил из того, что «если изменилась жизнь (отмена крепостного права. – В. П.), должны измениться и учреждения». Б. Н. Чичерин напоминал: «В настоящее время первая наша потребность – предоставление обществу значительной доли самостоятельности. Без этого жить нельзя. Без этого мы вечно останемся в том положении, которое привело нас к бедствиям Крымской войны» [2, с. 156]. Александр II передал Чичерину через Горчакова, что «касаться самодержавия не должно». Б. Н. Чичерин для пропаганды своих либеральных проектов прибегает к нелегальному изданию и распространению брошюры «Конституционный вопрос в России (1878 г.)». Обновленную программу конституционных реформ Б. Н. Чичерин излагает в письме К. П. Победоносцеву 10 марта 1881 г. под заглави-

ем «Задачи нового царствования». Предложение о созыве Совещательного собрания отклонено как «обманчивое и льстивое». Б. Н. Чичерин обращался к власти и через трибуну Московской городской думы (1882–1883 гг.). Отставка снова становится неизбежной. Свои симпатии к конституционной монархии Б. Н. Чичерин проявил в опубликованной за границей работе «Россия накануне двадцатого столетия» [7, с. 167]. Демарши в России и за рубежом по «самоограничению» императорской власти провалились [2, с. 158–160].

Печальна судьба очередного реформаторства в России. Однако Б. Н. Чичерин оставил нам в наследство четкое напоминание: «частная жизнь остается коренным правом человека, но над нею возвышается другая область общества, где водворяется политическая свобода» [13, с. 83]. Плодотворна и мысль о том, что свобода – это одна из стихий, вступающая в противоречие с устойчивым порядком. Юристы оценят четкость тезиса: ступени развития свободы – это ступени развития права. Политологи и культурологи отметят его размышления о важности для умственного развития страны самостоятельности политических сочинений, существования зрелой журналистики, доминирования средних мнений. Последующее поколение (например, П. Б. Струве) одобряло в позиции Б. Н. Чичерина синтез либерализма и консерватизма.

Итак, судьба личности и ее вклад в историческое развитие России напрямую и окольно зависят, с одной стороны, от эпохальных событий типа Крымской войны или восстания в Польше и экзистенциальных развилки в биографии каждого мыслителя – с другой. Отсюда общее, особенное и уникальное в алгоритме интеллектуальных поисков и свершений Ф. И. Тютчева, М. Н. Каткова, Б. Н. Чичерина.

Библиографический список

1. Динесман, Т. Г. Ф. И. Тютчев. Страницы биографии (К истории дипломатической карьеры) [Текст] / Т. Г. Динесман. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – 160 с.
2. Зорькин, В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б. Н. Чичерин) [Текст] / В. Д. Зорькин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 272 с.
3. Катков, М. Н. 1864 год. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» [Текст] / М. Н. Катков. – М., 1887. – С. 176. – 966 с.
4. Катков, М. Н. Избранные труды [Текст] / М. Н. Катков / сост., вст. ст. С. С. Секиринский. – М. : РОССПЭН, 2010. – 584 с.

5. Кожин, В. В. Тютчев [Текст] / В. В. Кожин. – М. : ЖЗЛ, 2009. – 471 с.

6. Любимов, Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга в документах и личных воспоминаниях [Текст] / Н. А. Любимов. – СПб. : Тип. «Общественная польза», 1882. – С. 189. – 356 с.

7. Неприкосновенный запас (НЗ) Дебаты о политике и культуре [Текст]. – 2015. – № 102. – С. 178, 160–169.

8. Сементковский, Р. И. М. Н. Катков. Биографический очерк [Текст] / Р. И. Сементковский. – СПб. : Тип. Ф. Павленкова, 1891. – С. 78/80.

9. Тютчев, Ф. И. Сочинения в 2-х т. – Т. 2. Письма [Текст] / Ф. И. Тютчев ; подг. текста Л. Кузиной. – М. : Худ. лит., 1984. – С. 235. – 447 с.

10. Тютчев, Ф. И. Избранные сочинения [Текст] / Ф. И. Тютчев ; сост., вст. ст., перев. Б. Н. Тарасов. – М. : РОССПЭН, 2010. – 784 с.

11. Чичерин, Б. Н. Москва сороковых годов [Текст] / Б. Н. Чичерин; вст. ст. С. В. Бахрушина. – М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1929. – 294 с.

12. Чичерин, Б. Н. Очерки Англии и Франции [Текст] / Б. Н. Чичерин. – М. : Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1858. – С. 152–275. – 356 с.

13. Чичерин, Б. Н. Собственность и государство [Текст] / Б. Н. Чичерин ; сост., вст. ст. А. И. Нарезной. – М. : РОССПЭН, 2010. – 928 с.

14. Экштут, С. А. Тютчев. Тайный советник и камергер [Текст] / С. А. Экштут. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 320 с.

15. Charles-Augustin Sainte-Beuve par Othenin d'Haussonville // La Revue des Deux Mondes. – P., 1875. – P. 594–606.

Bibliograficheskiy spisok

1. Dinesman, T. G. F. I. Tjutchev. Stranicy biografii (K istorii diplomatičeskoj kar'ery) [Tekst] / T. G. Dinesman. – M. : IMLI RAN, 2004. – 160 s.

2. Zor'kin, V. D. Iz istorii buržuzno-liberal'noj političeskoj mysli Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. (B. N. Chicherin) [Tekst] / V. D. Zor'kin. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1975. – 272 s.

3. Katkov, M. N. 1864 god. Sbranie peredovyh statej «Moskovskih vedomostej» [Tekst] / M. N. Katkov. – M., 1887. – S. 176. – 966 s.

4. Katkov, M. N. Izbrannye trudy [Tekst] / M. N. Katkov / sost., vst. st. S. S. Sekirinskij. – M. : ROSSPJeN, 2010. – 584 s.

5. Kozhinov, V. V. Tjutchev [Tekst] / V. V. Kozhinov. – M. : ZhZL, 2009. – 471 s.

6. Ljubimov, N. A. M. N. Katkov i ego istoričeskaja zasluga v dokumentah i lichnyh vospominaniyah [Tekst] / N. A. Ljubimov. – SPb. : Tip. «Obshhestvennaja pol'za», 1882. – S. 189. – 356 s.

7. Neprikosnovennyj zapas (NZ) Debaty o politike i kul'ture [Tekst]. – 2015. – № 102. – S. 178, 160–169.

8. Sementkovskij, R. I. M. N. Katkov. Biograficheskiy ocherk [Tekst] / R. I. Sementkovskij. – SPb. : Tip. F. Pavlenkova, 1891. – S. 78/80.

9. Tjutchev, F. I. Sochinenija v 2-h t. – T. 2. Pis'ma

[Tekst] / F. I. Tjutchev ; podg. teksta L. Kuzinoy. – M. : Hud. lit., 1984. – S. 235. – 447 s.

10. Tjutchev, F. I. Izbrannye sochinenija [Tekst] / F. I. Tjutchev ; sost., vst. st., perev. B. N. Tarasov. – M. : ROSSPJeN, 2010. – 784 s.

11. Chicherin, B. N. Moskva sorokovyh godov [Tekst] / B. N. Chicherin; vst. st. S. V. Bahrushina. – M. : Izd-vo M. i S. Sabashnikovyh, 1929. – 294 s.

12. Chicherin, B. N. Ocherki Anglii i Francii [Tekst] / B. N. Chicherin. – M. : Izd-vo K. Soldatenkova i N. Shhepkina, 1858. – S. 152–275. – 356 s.

13. Chicherin, B. N. Sobstvennost' i gosudarstvo [Tekst] / B. N. Chicherin ; sost., vst. st. A. I. Narezhoj. – M. : ROSSPJeN, 2010. – 928 s.

14. Jekshtut, S. A. Tjutchev. Tajnyj sovetnik i karger [Tekst] / S. A. Jekshtut. – M. : Progress-Tradicija, 2003. – 320 s.

15. Charles-Augustin Sainte-Beuve par Othenin d'Haussonville // La Revue des Deux Mondes. – P., 1875. – P. 594–606.

¹ Поэзия Тютчева первой половины 30-х гг. XIX в. никого не оставляла равнодушным. В воспоминаниях А. Б. Гольденвейзера имеются проникновенные строки: «Лев Николаевич прочел тютчевское “Сумерки” тихим, прерывающимся голосом, почти шепотом, задыхаясь и обливаясь слезами» [10, с. 693]. «Сумерки» впервые опубликованы в 1879 г., после смерти поэта. Напомним самое значимое.

«Тени сизые сместились,
Цвет поблекнул, звук уснул. –
Жизнь, движенье разрешились,
В сумраках зыбкий, в дальний гул...»
[10, с. 152].

² В письме Белинского Боткину (январь 1841 г.) обнаружено следующее наблюдение: «Личность его (Каткова) проскользнула по мне, не оставив следа, но его взгляды на многое, право, мне кажется, мне больше дали, чем ему самому. Ясно, что немногое прошло у него через сердце, но живет только в голове и поэтому от него пристает и понимается с трудом». Такую черту характера М. Н. Каткова не опровергает и Н. А. Любимов, его бывший студент и соратник в публицистике: «Он имел дело не с людьми и вещами в их реальной полноте существования, а с образами людей и вещей». Далее Н. А. Любимов отмечает его концентрацию на мысль минуты (текущего момента): «Двум мыслям зараз он отдаваться не мог, в этом было одно из условий его силы». См.: Н. А. Любимов. Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга. СПб.: Общественная польза, 1889. – С. 21–22.

³ Десятилетия спустя после окончания Московского университета Б. Н. Чичерин без восторга отзывается о курсах философии профессора Каткова: «Предшествующий нам курс слушал его (Каткова. – В. П.) в течение двух полугодий, и никто из слушателей не понял ни единого слова из всего того, что читал профессор... То же самое повторилось и с нами. Я усердно ходил на каждую лекцию, записывал самым старательным образом, но решительно ничего не понимал, и все мои товарищи находились совершенно в том же положении... Говорят, что на словесном факультете он историю философии читал понятнее. Не знаю, но очевидно, что кафедра вовсе не была настоящим его поприщем... Кто бы мог подумать, что этот непонятный профессор, этот туманный философ со временем делается живым и талантливым журналистом?». См.: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. – М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1929. – С. 59–60. – 294 с. Экзистенциальный парадокс, загадка для психологов!